

МОНИТОРИНГ ОБРАЗОВАНИЯ / MONITORING OF EDUCATION

УДК 37-053.81(470+574)

doi: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-207

Оригинальная статья

Сравнительный анализ профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве

*М. К. Шнарбекова¹, Е. И. Васильева², Т. Е. Зерчанинова², А. С. Никитина²**¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан**² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация**✉ shnarbekova.meruert@gmail.com*

Аннотация

Введение. В современном мире происходит глобальный переход к новой ценностной парадигме обучения, воспитания и профессионального самоопределения, что актуализирует значимость изучения образовательных и профессиональных установок молодежи. Цель статьи – проанализировать факторы, влияющие на формирование системы ценностных траекторий и установок молодежи России и Казахстана, а также спрогнозировать социальные сценарии их развития.

Материалы и методы. Для изучения образовательных и профессиональных ценностных траекторий и установок молодежи России и Казахстана в 2021 г. было проведено международное эмпирическое социологическое исследование. Сбор данных осуществлялся с помощью анкетирования, в котором приняли участие 2 005 чел. в возрасте 14–35 лет. Все респонденты проживали на территории России и Казахстана.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлен высокий уровень социально-культурного, ценностного потенциала молодых людей России и Казахстана в образовательном пространстве. Молодежь обеих стран отмечает значимость высшего образования в личностном и профессионально-карьерном росте и самореализации. Их профессиональные установки и желаемые профессиональные ориентиры разнородны. К основным факторам выбора профессии они относят интерес к профессии, высокую оплату труда, рейтинг учебного заведения; к факторам риска – низкую востребованность профессии на рынке труда, отсутствие личного интереса к профессии, низкий уровень дохода. В качестве возможного сценария выявлены востребованность IT-компетенций на российских и казахстанских рынках труда, трансформации ценностно-профессиональных установок в сторону большей свободы и творчества, социально-профессиональной мобильности и гибкости молодежи.

Обсуждение и заключение. Материалы статьи могут быть использованы образовательными организациями, органами власти, реализующими государственную политику в сфере образования для совершенствования работы по формированию и развитию ценностных траекторий и установок молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве и сфере профессионального самоопределения.

Ключевые слова: профессиональный выбор, молодежь, выбор вуза, студент, ценность образования, престижные профессии, критерии выбора профессии

© Шнарбекова М. К., Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сравнительный анализ профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве / М. К. Шнарбекова [и др.] // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 186–207. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-207>

Original article

Comparative Analysis of Professional-Value Attitudes of the Youth in Russia and Kazakhstan in Education

M. K. Shnarbekova^a✉, E. I. Vasileva^b, T. E. Zerchaninova^b, A. S. Nikitina^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation

✉ shnarbekova.meruert@gmail.com

Abstract

Introduction. In the modern world, there is a global transition to a new value paradigm of education, upbringing, and professional self-determination. Therefore, the study of educational and professional attitudes of young people gains prominence. The aim of the research is to identify the factors influencing the formation of a system of value trajectories and attitudes of young people in Russia and Kazakhstan and to predict social scenarios for their development.

Materials and Methods. To study the educational and professional value trajectories and attitudes of young people in Russia and Kazakhstan, the authors conducted an international empirical sociological study in 2021. The data collection method is a survey of young people aged 14–35 years living in Russia and Kazakhstan.

Results. The analysis revealed a high level of socio-cultural, value potential of young people in Russia and Kazakhstan in the educational space. Young people from both countries point out the importance of higher education in personal and professional career growth and self-realization. The professional attitudes and desired professional orientations of the Russian and Kazakh youth are heterogeneous. The main factors in choosing a profession are the interest of the profession, it's financially rewarding, and prestige of the educational institution. Risk factors include low demand for the profession in the labor market, lack of personal interest in the profession, and low income. As a possible scenario have been identified the demand for IT competencies in the Russian and Kazakhstan labor markets, the transformation of value-professional attitudes towards greater freedom and creativity, socio-professional mobility and flexibility of young people.

Discussion and Conclusion. The obtained data and recommendations can be used by educational organizations, authorities implementing state policy in the field of education to improve the work on the formation and development of value trajectories and attitudes of young people in Russia and Kazakhstan in the educational space and in the field of professional self-determination.

Keywords: professional choice, youth, higher education choice, student, value of education, prestigious professions, criteria of professional choice

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shnarbekova M.K., Vasileva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. Comparative Analysis of Professional-Value Attitudes of the Youth in Russia and Kazakhstan in Education. *Integration of Education*. 2023;27(2):186–207. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-207>

Введение

Высшее образование как институт охватывает важные элементы общества, в котором оно функционирует, и воспроизводит его доминирующие черты, способствуя сохранению социального порядка.

В связи с этим в научно-исследовательском сообществе все чаще проводятся дискуссии относительно проблемы ценностных установок и ориентиров современной молодежи в сфере образования. Актуальность исследования данной проблемы связана

с расширением возможностей выбора на национальном и международном уровнях, массовостью получения высшего образования молодежью наряду со снижением значимости диплома на рынке труда, сертификацией вузов по качеству образования и престижу, коммерциализацией высшего образования, способствующей расширению возможностей обучаться на платной основе, увеличением показателя трудоустройства молодежи не по своей специальности, несоответствия профессионального выбора молодежи запросам рынка труда, которое приводит к перенасыщению и недостатку определенных профессий. Как отмечает А. Ю. Гайфуллин, «адекватность выбора и уровень освоения профессии влияют на все стороны и общее качество жизни и являются одними из центральных и судьбоносных решений в жизни каждого молодого человека» [1, с. 141]. В современном мире мы становимся свидетелями глобального перехода к новой ценностной парадигме обучения, профессионального самоопределения и трансформации ценностно-образовательных и карьерных установок молодежи.

Установки являются социальной конструкцией и могут быть интерпретированы по-разному. В широком смысле установки можно понимать как устремление к достижению определенной цели. Устремления отличаются от ожиданий тем, что представляют собой идеалы или более высокие значения, тогда как ожидания учитывают реальные и/или предполагаемые ограничения. В связи с этим категория «установки» может быть использована в описании целей, которых молодежь хотела бы достичь.

В данной статье авторы рассматривают категорию «профессионально-ценностные установки» как предрасположенность молодежи к определенной модели поведения в сфере образования и рынка труда, формируемую на основе взаимодействия индивидуальных особенностей и влияния окружающей среды для достижения своих целей. Профессионально-ценностные установки молодых людей динамичны и изменяются в контексте социальной действительности и их восприятия молодежью.

Процесс выбора высшего образования и профессии включает три взаимосвязанных этапа: формирование профессионально-ценностных установок и предпочтений, выбор профессии, профессиональную самореализацию. По мнению Р. Г. Сафиной, выбор определяется предпочтением одной альтернативы из доступных или предложенных вариантов¹.

Изучение образовательных устремлений молодежи связано с противоречием между эгалитарным дискурсом, усиливающим общее стремление молодежи стать более образованными, и ограничениями получения качественного образования и поступления в престижные университеты. Ю. Айсопакала-Буре подчеркивает, что такое противоречие потенциально может привести к аномическому состоянию, характеризующему ситуацией, в которой выраженное желание поступить в престижный вуз сочетается со структурными ограничениями [2].

Наряду с массификацией образования образовательное неравенство переместилось в другую область – неравенство выбора. Французский социолог Р. Будон описывает неравенство в образовании как отражение социального и гендерного дифференцированного поведения молодежи из разных социальных групп [3]. В своем исследовании Ж. Лаброссе, М. Гаудирилт и Ф. Пикард доказали, что социальная дифференциация начинается уже в школе, где формируется стартовый образовательный капитал, влияющий на установки и выбор образовательной траектории молодежи [4]. По мнению А. В. Меренкова, Д. Г. Сандлера, В. С. Шаврина, успешное трудоустройство определяется социально-демографическими характеристиками (полом, социальным статусом, материальным положением семьи) молодежи, т. е. «успешность одного поколения определяет успех следующего поколения» [5].

Таким образом, следует отметить высокую междисциплинарную проработанность образовательных установок и профессиональных ориентаций молодежи как социальной группы. Однако незначительное количество научных трудов

¹ Сафина Р. Г. Выбор студентами профессиональной карьеры: гендерные аспекты (на примере Республики Татарстан) : дисс. ... канд. социол. наук. Казань, 2015. 193 с.

посвящено проведению сравнительного анализа профессионально-образовательных ценностей и установок российской и казахстанской молодежи. Поэтому изучение данной проблемы представляет не только научный, но и практический интерес в связи с необходимостью понимания закономерностей формирования и возможностей реализации образовательных траекторий и установок молодежи в образовательном пространстве и сфере профессионального самоопределения.

Проведение международного исследования и сравнение полученных исследовательских данных позволит выявить факторы, влияющие на формирование образовательных ценностных установок молодежи России и Казахстана, спрогнозировать социальные сценарии дальнейших ценностных траекторий профессионального поведения молодежи. Для реализации поставленной цели в статье рассмотрены ценностные траектории и установки современной российской и казахстанской молодежи в образовательном пространстве и сфере профессионального самоопределения.

Гипотезы исследования:

1. Формирование профессиональных установок молодежи детерминировано социокультурной спецификой определенного общества и глобальными процессами в целом, поэтому установки молодежи из двух стран могут иметь как национальные особенности, так и общие характеристики.

2. Профессионально-ценностные установки российской и казахстанской молодежи трансформируются и смещаются от ориентированности на специальности экономического, юридического направления в сторону технических, творческих (в том числе блогерство) специальностей в контексте изменения спроса рынка труда.

3. Ценность высшего образования в молодежной среде сохраняется, но в выборе образования и профессии будут превалировать рациональные мотивы (возможность получения высокого дохода, достижение успеха, обучение в престижном учебном

заведении) и стремление к профессиям, предполагающим мобильность и гибкость.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа выявить общие и национальные характеристики, определяющие профессионально-ценностные установки российской и казахстанской молодежи в сфере высшего образования и на рынке труда, и спрогнозировать их дальнейшие возможные стратегии профессионального поведения.

Обзор литературы

Вопросы ценностных профессионально-образовательных ориентаций и установок молодежи изучаются отечественными и зарубежными учеными, но необходимо учитывать несколько важных аспектов. Во-первых, ценности молодежи постоянно меняются в контексте как национальных, так и глобальных трансформаций, что требует проведения новых исследований с учетом нынешней социально-экономической ситуации в мире и стране. Во-вторых, данные международных исследований не всегда применимы для всех стран. Многие исследования показали, что культурные ценности влияют на факторы, определяющие выбор профессии молодежью [6–8]. Одним из важных измерений культуры является «индивидуализм – коллективизм». Западные страны (Австралия, Великобритания, США) придерживаются индивидуализма, в то время как постсоветские и азиатские страны характеризуются коллективизмом, в котором люди отождествляют себя с социальной взаимозависимостью и общественными благами². В индивидуалистических культурах человек воспринимается как «независимый», в коллективистских – как «взаимозависимый». Таким образом, профессиональный выбор в обществе, где доминирует индивидуализм, выбор профессии определяется личными предпочтениями молодых людей, в то время как в обществе с преобладанием коллективистской культуры выбор профессии обсуждается с родителями и близкими людьми, и особое внимание уделяется достижению наилучшего результата для семьи или сообщества.

² Sinha J. B. P. Collectivism and Individualism // *Psycho-Social Analysis of the Indian Mindset*. New Delhi : Springer, 2014. https://doi.org/10.1007/978-81-322-1804-3_2

Значимость ценностных установок в профессиональном выборе определяется многими исследованиями. Так, М. А. Абрамова, А. В. Быков и Е. А. Настина акцентируют взаимосвязь ценностных установок и карьерных достижений молодежи [9]. Также аксиологический подход к образованию находит продолжение в трудах К. У. Камбаровоу [10]. Ряд российских авторов внесли существенный вклад в определение социологических понятий «ценностные траектории» и «ценности образования»: проанализированы возможности интеграции духовно-нравственного и гуманитарного образования [11], нравственные установки студенческой молодежи [12]. В контексте международной интеграции Г. Ф. Шафранов-Куцев и Е. Н. Яркова рассматривают ценности российского образования [13].

В современном казахстанском обществе образование выступает как фактор социальной мобильности, где ее высокий уровень повышает не только экономический потенциал страны, но и благосостояние людей, их социальный статус и в значительной степени способствует преодолению неравенства. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о том, что в связи с нестабильностью социальных структур и перемещением людей в системе социальной иерархии в значительной зависимости между уровнем образования и доходами, изучение ценностно-профессиональных ориентиров молодежи актуализируется [14].

В работах казахстанских авторов нашли отражение ценностные и поведенческие аспекты молодежи Казахстана, которые влияют на ее образовательную деятельность и профессиональные ориентации. В частности, Н. А. Ткачева и Р. С. Баймухаметова определяют, что после приобретения независимости в структуре жизненных ценностей и приоритетов молодежи произошли существенные трансформации как позитивного, так и негативного характера. Отмечается увеличение масштабности проблем жизнедеятельности молодежи Казахстана, связанных с изменением их ценностных ориентаций и поведенческих паттернов в сфере образования и на рынке труда [15]. Говоря о молодежи Казахстана,

нельзя не отметить изменение статуса ценности труда. В молодежной среде наблюдается преобладание прагматизма и стремления к материальному достатку, что в свою очередь вступает в противоречие с реальностями занятости молодежи [15]. Отсюда ориентации на подработки, работу не по специальности и предпринимательскую деятельность. Согласно проведенному исследованию С. А. Калиевой и Ф. Г. Альжановой, можно выделить противоречивость в ценностных установках современной молодежи Казахстана. С одной стороны, молодежь придерживается традиционных ценностей (уважение к семье, браку и старшим), с другой, проявляет ярко выраженный индивидуализм [16].

В зарубежной научной литературе вопросы образовательного и профессионального выбора рассматриваются, начиная с 1980 гг. Так, С. Митич и Д. Моич исследуют выбор в двух аспектах: выбор профессии и определенного вуза. Они приходят к выводу, что основными критериями выбора выступают возможность трудоустройства и международный рейтинг вуза [17]. По итогам анализа практик изучения процесса выбора высшего образования было определено, что традиционно процесс выбора высшего образования изучался с позиции социально-экономической перспективы, в рамках которой характеризуются факторы, влияющие на выбор молодежью определенного вуза. Эти модели имеют тенденцию подчеркивать социологические и экономические факторы – образование родителей, стоимость обучения, социальный статус, которые в определенной степени объясняют различия в образовательном выборе [18]. Важно отметить, что обнаруженные различия значительно сильнее проявляются в выборе университета, чем специальности. Другими словами, влияние уровня образования родителей и семейного дохода на выбор профессии незначителен, значимость этих факторов проявляется именно в выборе учебного заведения [19]. А. Н. Пинчук, С. Г. Каропова и Д. А. Тихомиров считают, что востребованность определенного направления профессиональной подготовки динамична и может варьироваться в зависимости от разных

условий и ситуаций [20], тогда как ценность престижного вуза на рынке труда статична. В свою очередь А. Бергерсон подчеркнул, что социально-экономическая перспектива была наиболее доминирующей, а дальнейшие исследования должны фокусироваться на индивидуальном процессе принятия решений, изучая сомнения молодежи и пути их преодоления [21].

В изучении выбора высшего образования молодежью также выделяется важная роль интересов и предпочтений, так как они способствуют пониманию мотивов, почему студенты внезапно меняют программу обучения или продолжают обучение по определенной программе несмотря на сомнения [22]. С. Ф. Аккерман и А. Баккер определяют интересы как любые виды деятельности, идеи и объекты, с которыми молодежь идентифицирует себя и стремится повторить их со временем [23]. Таким образом, интересы по своей сути ориентированы на будущее и определяют жизненный выбор молодежи, в том числе и выбор высшего образования и специальности. На основе лонгитюдного исследования Р. Коглер и его коллеги разработали типологию образовательных и профессиональных ориентаций. Они выделили четыре типа ориентаций:

– решительный («Я достигну своей цели») – характеризуется конкретной и стабильной профессиональной ориентацией, сопровождающейся активными и уверенными действиями со стороны молодого человека;

– неуверенный («Думаю, моя идея не реализуется») – описывается нарастанием обобщенности и нестабильности. Молодые люди с неуверенным типом ориентации откладывают и задерживают какие-либо действия и стремятся к прагматизму;

– поэтапно нарастающий («Я попробую, посмотрим, как получится») – определяется последовательным увеличением определенности и стабильности в профессиональных ориентациях. Молодые люди становятся более активными и гибкими;

– плавающий («Я до сих пор не знаю, чего хочу») – отличается расплывчатостью и нестабильностью, а категория молодежи

с плавающим типом ориентации находятся в стагнации и не имеют никакой стратегии в достижении образовательных и профессиональных траекторий [24].

В связи с коммерциализацией высшего образования профессиональный выбор молодежи начали сравнивать с классическим процессом принятия решения потребителем, рассматриваемым в литературе по маркетингу. В научной литературе по выбору высшего образования нет общепринятой модели, описывающей процесс принятия решений молодежью, но при этом существуют трех- и пятиэтапная модели. Разработанная П. Котлером пятиэтапная модель выбора высшего образования связана с пятиэтапным процессом принятия решения потребителем. Согласно данной модели, процесс начинается с распознавания проблемы и поиска информации, за которыми следуют этапы оценки альтернатив, решение о покупке и поведенческие практики после покупки³. При выборе высшего образования в социологии более распространена трехступенчатая модель, которую разработали Д. Хосслер и К. Галлахер. В рамках этой модели процесс выбора высшего образования включает следующие этапы: предрасположенность – принятие решения о продолжении образования; поиск – сбор информации, выработка критериев оценки университетов и определение основных альтернатив; выбор специальности и вуза [25].

Однако в других исследованиях ставится под сомнение господствующий дискурс о том, что выбор высшего образования является выбором потребителя и идеей маркетинга высшего образования. Х. Хайвуд и Р. Скаллион выбор высшего образования рассматривают как сложный рациональный процесс, связанный с изменением ролей. В данном аспекте основное внимание уделяется родителям, которые играют все большую роль в формировании образовательных установок молодого человека и переживают этот процесс в первую очередь как родители, а не как потребители. В процессе выбора для родителей сохранить хорошие отношения является более приоритетным, чем выбор определенной

³ Kotler P., Keller K. L. Marketing Management. Pearson Education, 2016. 812 p.

образовательной траектории или университета. Это достигается двумя основными способами: избегание конфликтов и семейное обсуждение [26].

В изучении ценностно-профессиональных установок молодежи большинство современных исследователей выделяют межклассовые различия. Такие исследования сосредотачивают внимание на социально-экономических факторах – семье, сверстниках, сообществах, социальных сетях, занятости, местах проживания и средствах массовой информации, оказывающих влияние на выбор. Так, зарубежные исследователи изучают влияние социального класса на доступность образования [27], возможность получения высшего образования в разрезе социально-экономического статуса семьи [28], анализируют значимость социального медиа на академические успехи⁴.

Особую актуальность приобретает изучение и анализ внутриклассовых различий, в частности среднего класса, поскольку однородность среднего класса была поставлена под сомнение и выявлены различия. Однако внутриклассовые различия молодежи из рабочего класса недостаточно исследованы и теоретизированы. П. Вудворд полагает, что рабочий класс также может быть дифференцирован и иметь различные образовательные траектории выбора. В связи с этим оправдан вопрос о том, использует ли молодежь из рабочего класса социальный и культурный капитал при выборе высшего образования. В своих поздних работах ученый вводит понятие «территориального капитала», обозначающего стремление избегать определенных регионов, таких как «сельская местность» или «провинция» в выборе высшего учебного заведения. Несмотря на то, что молодежь среднего класса имеет больше доступа к этому ресурсу, их ровесникам из рабочего класса также доступен территориальный капитал, что позволяет объяснить внутриклассовые различия рабочего класса в выборе высшего образования. Территориальный капитал связан с социальным и культурным капиталом, но менее

детерминирован социальным классом [29]. Важность территориального положения была отмечена и другими исследователями. К примеру, Б. Зевуде и Т. Хабтеджоржис подчеркивают, что, хотя большинство студентов предпочитают поступать в высшие учебные заведения в больших городах и мегаполисах, увеличивается доля студентов, заинтересованных в выборе высших учебных заведений, расположенных ближе к их месту жительства [30].

Согласно К. Каллендар и Г. Мелис, выбор молодежи отражает их материальные ограничения, а также культурный и социальный капитал, социальные представления и формы самоисключения – все они привязаны к социальному классу. Несмотря на широкий объем выбора социальное неравенство имеет место быть, так как диапазон выбора социально дифференцирован [31]. В поздних исследованиях ученые начинают отмечать значительное влияние образовательных устремлений и ожиданий молодежи в выборе карьеры. В частности, Н. Хаттаб и его коллеги доказывают, что высокий уровень образовательных устремлений и ожиданий играет ведущую роль в формировании будущей профессиональной траектории. Молодежь с высоким уровнем образовательных устремлений и ожиданий придает большое значение будущей работе и имеет более выраженные карьерные устремления [32].

Несмотря на многочисленность публикаций по данной проблематике, практически отсутствуют исследования по изучению профессионально-ценностных установок молодежи постсоветских стран в сравнительной перспективе. Многие исследования изучают выбор образования и специальности в контексте социально-экономического статуса семьи, игнорируя личные предпочтения и инициативу молодых людей. Авторы статьи впервые на основе единого инструментария исследовали общие и национальные черты в профессионально-ценностных установках молодежи России и Казахстана в сфере высшего образования в сравнительной перспективе.

⁴ Seymour C. Successes and Setbacks of Social Media: Impact on Academic Life. John Wiley & Sons, 2021. 192 p.

Материалы и методы

В статье представлены данные международного социологического исследования (2021 г.), направленного на изучение профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана. Для сбора эмпирических данных был проведен анкетный опрос. Объект исследования – население России и Казахстана в возрасте 14–35 лет. Объем выборки исследования – 2 005 респондентов, в том числе в Казахстане были опрошены – 1 000, в России – 1 005 респондентов. Все респонденты были ознакомлены с целью и задачами исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Применялся квотный метод, где учитывались следующие переменные: пол, возраст и регион проживания. Формирование выборки и проведение опроса включает несколько этапов.

1. Выборка была разделена на взаимно исчерпывающие подгруппы, т. е. молодой человек мог стать частью только одной подгруппы. Единицами отбора подгрупп выступали регион проживания молодежи и половозрастная структура региона. На данном этапе применен случайный отбор.

2. На основе данных переписей и национальных докладов о доле и половозрастной структуре молодежи в регионах каждой страны проведена оценка пропорции, в которой подгруппы молодежи существуют в генеральной совокупности. Данная пропорция представлена в выборке.

3. Сформирован подходящий объем выборки, сохраняя пропорцию, оцененную на предыдущих этапах.

4. Проведен опрос среди молодежи в соответствии с установленными квотами на предыдущих этапах.

В Российской Федерации молодежью признаются граждане в возрасте 14–35 лет⁵. Численность российской молодежи составляет 34,7 млн чел., из них молодых людей мужского пола – 17,4 млн, женского – 17 млн чел.⁶ По состоянию на 1 января 2021 г., в городской местности проживало 26,4 млн российской молодежи (76,1 %), в сельской местности – 8,3 млн чел. (23,9 %)⁷.

В Казахстане молодежью признаются молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет⁸. «По данным Комитета по статистике МНЭ РК, на начало 2021 г. численность казахстанской молодежи в возрасте 14–29 лет составила 20,2 % от общей численности населения страны»⁹ (3,7 млн чел.). Из общей численности молодежи 51 % составляют лица мужского пола, 49 % – женского. В городской местности проживают 2,1 млн молодых людей (56,4 %), в сельской – 1,6 млн (43,6 %)¹⁰.

Распределение выборочной совокупности респондентов представлено в таблицах 1 и 2.

Для проведения опроса среди молодежи России и Казахстана была разработана единая анкета (на казахском и русском языках), которая включала закрытые и открытые вопросы. В процессе проведения исследования респондентам двух стран предложено ответить на блок вопросов, посвященных их уровню ценностных образовательно-профессиональных, карьерных ориентиров и установок, паттернов поведения в образовательном пространстве. Также анкета содержала вопросы о представлениях молодежи о себе, факторах, связанных с выбором образования и переходом на рынок труда.

⁵ О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ : принят Государственной Думой 23 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. : статистич. бюллетень. Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат). М., 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ Там же.

⁸ О государственной молодежной политике : закон Республики Казахстан от 09.02.2015 г. № 285-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31661446&pos=112;-32#pos=112;-32 (дата обращения: 10.03.2022).

⁹ Официальные данные Комитета по статистике МНЭ РК [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/strategicheskiy-resurs-kazahstana-molodezh> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁰ Там же.

Т а б л и ц а 1. Распределение выборочной совокупности по полу, возрасту, уровню образования, %

T a b l e 1. Distribution of the sample population by sex, age and degree of education, %

	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
<i>Пол / Gender</i>		
Мужской / Male	50,7	48,3
Женский / Female	49,3	51,7
<i>Интервал возраста, годы / Age interval, years</i>		
15–19	22,1	27,6
20–24	51,4	37,1
25–29	18,6	35,3
30–35	7,9	— ¹¹
<i>Уровень образования / Education degree</i>		
Нет образования, начальное / No education, primary	3,6	6,4
Неполное среднее (базовое) / Partial secondary (basic)	10,0	12,3
Среднее общее, ПТУ / Secondary general, vocational school	8,6	12,3
Среднее профессиональное (техникум, колледж, училище и т.д.) / Secondary professional (technical school, college, etc.)	16,3	20,9
Незаконченное высшее / Unfinished college degree	29,8	16,7
Высшее (включая бакалавриат и магистратуру) / Higher Education (including undergraduate and master degree)	31,7	31,4
<i>Место проживания / Place of residence</i>		
Город / City	71,0	46,0
Село / Rural area	29,0	54,0
<i>Категория молодежи / Youth group</i>		
Работающая / Working	47,4	50,3
Студенческая / Students	27,3	24,9
Учащаяся / High school students	19,6	20,1
Безработная / Unemployed	5,2	4,7

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.
Source: Hereinafter in this article all tables were made by the authors.

Т а б л и ц а 2. Распределение выборочной совокупности по региону проживания

T a b l e 2. Distribution of the sample population by region

№	Российская Федерация / Russian Federation	
	Федеральные округа / Federal districts	%
1	2	3
1	Центральный федеральный округ / Central federal district	12,4
2	Северо-Западный федеральный округ / Northwestern federal district	8,6
3	Приволжский федеральный округ / Volga federal district	12,4
4	Уральский федеральный округ / Ural federal district	25,4
5	Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian federal district	5,2

¹¹ В Казахстане молодежью признаются молодые люди в возрасте 14–29 лет.

1	2	3
6	Южный федеральный округ / Southern federal district	21,4
7	Сибирский федеральный округ / Siberian federal district	9,6
8	Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern federal district	5,0
Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan		
<i>Регионы / Regions</i>		%
1	Западный регион / Western region	15,0
2	Восточный регион / East region	8,4
3	Центральный регион / Central region	13,9
4	Южный регион / Southern region	23,4
5	Северный регион / North region	11,9
6	Алматы (город республиканского значения) / Almaty (city of republic significance)	17,8
7	Астана (столица) / Astana (capital)	9,6

Результаты исследования

Анализ статистических данных по уровню образования и формам занятости молодежи обеих стран показывает, что в России большинство молодых людей учатся или работают. За последние десять лет уровень молодых «карьерно-образовательных маргиналов» – людей, которые не хотят ни работать ни учиться, составил около 10,6 %. В целом по России более трети молодых людей в возрасте 17–25 лет получают высшее образование¹². Основные сферы занятости работающей российской молодежи – услуги, торговля, менеджмент и маркетинг, IT-индустрия.

В Казахстане также большинство молодых людей учатся и (или) работают. На начало 2021 г. занятая молодежь в возрасте от 15–28 лет составила 2,01 млн чел., в то время как зафиксированный уровень молодежной безработицы составил около 3,8 %. Основные сферы занятости – торговля, сельское хозяйство, образование. Молодежное предпринимательство составило свыше 470 тыс. чел¹³.

Анализ статистических данных свидетельствует о достаточно высоком уровне карьерных и образовательных притязаний российской и казахстанской молодежи, высоком уровне мотивации к учебе и труду. Более 60 % респондентов обеих

стран связывают возможность достижения успехов в жизни с определенным уровнем образования, что подтверждают данные социологического исследования. По мнению молодежи, необходимым уровнем образования для личностной и профессионально-карьерной самореализации является высшее образование (41,3 % – молодежь России, 47,0 % – молодежь Казахстана) (табл. 3).

Среди российской молодежи набирает все большую популярность среднее специальное образование (15,4 %), в то время как в Казахстане, по сравнению с ответами российских респондентов, к факторам жизненно-профессионального успеха относят ученую степень и Ph.D (10,1 %). В то же время около трети молодых респондентов обеих стран считают, что образование не определяет жизненные успехи и не является ценностным ядром профессионально-карьерного роста (30,8 % – молодежь России, 25,7 % – молодежь Казахстана). Наиболее престижными профессиями, по мнению обеих групп респондентов, являются юриспруденция, медицина, экономика, IT-индустрия (табл. 4).

Наименее престижными профессиями являются журналисты, переводчики, лингвисты, металлурги, автомеханики, шахтеры. Можно выделить и национальные особенности при ответе на данный вопрос.

¹² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. : статистич. бюллетень.

¹³ Официальные данные Комитета по статистике МНЭ РК.

Т а б л и ц а 3. Распределение ответов респондентов относительно уровня образования, достаточного для успеха в жизни, % от числа ответивших

T a b l e 3. Distribution of respondents' answers regarding the level of education sufficient for success in life, % of the number of respondents

Уровень образования / Level of education	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Неполное среднее (базовое) / Secondary (basic)	4,0	2,0
Среднее специальное (техникум, колледж, училище и т. д.) / Secondary specialized (technical school, college, etc.)	15,4	7,4
Высшее (включая бакалавр и магистратуру) / Higher (including Bachelor's and Master's Degrees)	41,3	47,0
Ученая степень, Ph.D / Academic Degree, Ph.D	2,5	10,1
Образование не определяет жизненные успехи / Education does not define life success	30,8	25,7
Трудно сказать / It is difficult to say	6,0	7,8
Итого / Total	100,0	100,0

Т а б л и ц а 4. Распределение ответов респондентов относительно наиболее престижных профессий, % от числа ответивших

T a b l e 4. Distribution of respondents' answers regarding the most prestigious professions, % of the of respondents

Наименование профессий / Professions	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
1	2	3
Медицина (хирург, стоматолог, провизор, судмедэксперт, дерматолог, врач и др.) / Medicine (surgeon, dentist, pharmacist, forensic expert, dermatologist, doctor, etc.)	34,5	15,1
Технические профессии (электрик, стандартизация, программист / IT-специалист, инженер) / Technical professions (electrical, standardization, programmer / IT specialist, engineer)	30,0	6,7
Юриспруденция (прокурор, адвокат, юрист, нотариус и др.) / Jurisprudence prosecutor, lawyer, attorney, notary, etc.)	26,6	21,1
Экономика (бухгалтер, финансист, банковское дело, экономист, логист, аудиторы и др.) / Economics (accountant, financier, banking, economist, logist, auditors, etc.)	25,2	16,8
Образование и наука (преподаватель/учитель, ученый) / Education and science (teacher, scientist)	8,4	6,7
Предпринимательство и бизнес / Entrepreneurship and business	7,6	3,9
Сфера услуг (стилист/визажист, ресторанное дело/рестораторы, стюардесса/стюард, администратор, парикмахер, риэлтор, спасатель, охранник, брокер, продавец и др.) / Services (stylist/makeup artist, restaurant/restaurateurs, stewardess/steward, administrator, hairdresser, realtor, rescuer, guard, broker, seller, etc.)	6,5	4,0
Творчество и кино (певец/вокалист, дизайнер/модельер, музыкант, актер/актриса, танцор, писатель, режиссер и др.) / Creativity and cinema (singer/vocalist, designer/fashion designer, musician, actor/actress, dancer, writer, director, etc.)	4,0	5,8
Блоггерство / Blogging	4,3	–

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3
Военное дело / Military matters	4,3	1,9
Строитель (архитектор, электронщик, конструктор/ инженер-конструктор, инженер-строитель и др.) / Builder (architect, electronician, constructor/engineer, civil engineer, etc.)	1,7	2,6
Машиностроение (автомеханик/механик, машинист и др.) / Mechanical engineering (auto mechanic/mechanic, machinist, etc.)	1,9	1,5
Филология (журналист, переводчик, лингвист/языковед) / Philology (journalist, translator, linguist)	0,9	2,4
Горное дело, металлургия, нефтяное дело / Mining, metallurgy, oil industry	–	2,4
Политика (политолог) / Politics (political scientist)	–	1,3
Спорт (футболист, тренер, спортсмен) / Sport (footballer, coach, athlete)	–	0,7

По мнению российской молодежи, наиболее востребованы медицинские специалисты, в частности хирурги и стоматологи (34,5 %), также IT-специалисты (30 %) и блогеры (4,3 %). Молодежь Казахстана престижными и прибыльными считает такие профессии, как юриспруденция (21,1 %), предпринимательство и экономика (16,8 %).

Значимым фактором при выборе будущей профессии для молодежи обеих стран выступает возможность хорошего дохода и заработка (64,3 % – молодежь России, 64,1 % – молодежь Казахстана). На втором по значимости месте – актуальность

и востребованность получаемой профессии на рынке труда (табл. 5).

Сравнительный анализ факторов при выборе профессии по уровню важности показывает, что самым значимым для обеих групп молодежи является хороший доход, менее значимым – доступность и простота подготовки. Респонденты из Казахстана выделяют профессию, которая пользуется большим признанием и уважением в обществе (37,5 %), в то время как для российской молодежи профессия, предполагающая доступ к власти, управлению, руководству является более значимой (25,3 %).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов относительно критериев значимости и важности при выборе будущей профессии, % от числа ответивших

Table 5. Distribution of respondents' answers regarding significance and importance of criteria in choosing a future profession, % of the number of respondents

Критерии выбора / Selection criteria	Очень важно / Very important		Не важно / It does not matter	
	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Хороший доход / High income	64,3	64,1	0,6	0,5
Востребованность на рынке труда / Labor market demand	55,4	52,3	0,9	0,8
Признание, уважение в обществе / Recognized and respected in society	24,0	37,5	5,8	1,6
Доступ к власти, управлению, руководству / Access to power, administration, management	25,3	22,2	7,9	11,9
Высококвалифицированный характер (умственный, интеллектуальный труд) / Highly skilled (mental, intellectual work)	29,5	33,6	11,5	2,8
Доступность и простота подготовки / Availability and ease of preparation	21,7	26,4	10,7	9,0

Получаемое образование в целом соответствует сформированным ценностным установкам и ожиданиям российской и казахстанской молодежи. Респонденты видят и ценят в нем перспективы материального и социально-статусного роста (табл. 6). Однако отдельная группа ответивших отмечает ценностно-мотивационный и статусный дефицит в получаемом образовании, который не даст ни доход, ни социальный статус в будущем, по мнению 12,4 % молодежи из России и 7,4 % – из Казахстана.

Необходимо отметить, что меньше половины опрошенной молодежи удовлетворена получаемым/полученным образованием и специальностью (39,3 % – молодежь России, 40,6 % – молодежь Казахстана), в то время как около трети опрошенных молодых россиян и каждый пятый молодой казахстанец предпочли бы выбрать новую специальность (30,8 % – молодежь России, 20 % – молодежь Казахстана), что свидетельствует о несоответствии ожидаемым образовательным установкам (табл. 7).

Полученные результаты коррелируют с ответами респондентов на вопрос «Работаете ли Вы по специальности», где вариант «нет» выбрали 34,9 % российской молодежи, и 25,2 % молодежи Казахстана.

Наиболее значимым при выборе учебного заведения, по мнению российской и казахстанской молодежи, является интересность получаемой специальности (57,2 % – молодежь России, 51,7 % – молодежь Казахстана), возможность получения качественного знания (52,3 % – молодежь России, 61,4 % – молодежь Казахстана), авторитет и рейтинг вуза (40,3 % – молодежь России, 37,4 % – молодежь Казахстана). Также выделяют и национальные различия в процессе выбора учебного заведения. Казахстанская молодежь в большей степени склоняется к возможности бесплатного обучения как детерминирующего фактора при выборе учебного заведения (46,8 %), возможность получения качественного знания (табл. 8).

Т а б л и ц а 6. Распределение ответов респондентов относительно ценности получаемого образования, % от числа ответивших

Table 6. Distribution of respondents' answers regarding the values of the education received, % of the number of respondents

Варианты ответов / Response options	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Доход и социальный статус / Income and social status	44,2	50,3
Только социальный статус / Only social status	24,1	12,7
Только доход / Only income	19,3	7,2
Ни доход, ни социальный статус / Neither income nor social status	12,4	7,4
Загрудняюсь ответить / It is difficult to say	–	22,4

Т а б л и ц а 7. Распределение ответов на вопрос «Если бы Вам представилась возможность, какой профессиональный выбор Вы бы сделали?», % от числа ответивших

Table 7. Distribution of answers to the question "If you had the opportunity, what speciality would you choose?", % of the number of respondents

№	Варианты ответов / Response options	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
1	Выбрал бы вновь ту же специальность, которой обучался / I would choose again the same speciality that I studied	39,3	40,6
2	Не выбрал бы вновь ту же специальность, которой обучался / I would not choose again the same speciality in which I studied	30,8	20,0
3	Трудно сказать / It is difficult to say	29,9	39,4

Т а б л и ц а 8. Распределение ответов респондентов относительно критериев значимости и важности при выборе учебного заведения, % от числа ответивших

Table 8. Distribution of respondents' answers regarding significance and importance of criteria in choosing an educational institution, % of the number of respondents

Критерии выбора вуза / Selection criteria	Очень важно / Very important		Не важно / It does not matter	
	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Интересная специальность / Interesting speciality	57,2	51,7	1,3	1,4
Возможность получения качественного знания / Opportunity to gain quality knowledge	52,3	61,4	0,9	0,7
Авторитет и рейтинг вуза / Authority of the university, university ranking	40,3	37,4	2,5	3,6
Низкая оплата, возможность бесплатного обучения / Low tuition fees, free education	35,7	46,8	4,5	2,3
Изучение более одного иностранного языка / Learning more than one foreign language	30,7	31,3	9,0	3,6
Предоставление общежития / Provision of dormitory	27,6	22,5	16,9	15,7
Удобное, близкое расположение к месту жительства / Convenient, close location to the place of residence	26,6	27,1	10,4	8,0
Возможность дополнительно обучаться за границей и получить два диплома / Opportunity to further study abroad and receive two diplomas	22,2	33,4	11,0	5,3
Наличие военной кафедры / Presence of military department	19,4	20,9	29,7	22,8

Удовлетворенность профессиональной деятельностью молодыми людьми определяется такими параметрами, как интерес к профессии, высокий уровень дохода, возможность профессионального роста (табл. 9).

Т а б л и ц а 9. Распределение ответов респондентов относительно требований, которым должна отвечать любимая работа, % от числа ответивших

Table 9. Distribution of respondents' answers regarding the requirements that a favorite job should meet, % of the number of respondents

Варианты ответов / Selection criteria	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Высокооплачиваемая / Highly paid	65,5	69,1
Интересная для меня / Interesting for me	59,4	66,9
Обеспечивает возможности профессионального роста / Opportunities for professional growth	41,8	22,8
С хорошими условиями труда / Good working conditions	41,0	32,8
Разнообразная, творческая, предполагающая инициативу / Diverse, creative, suggesting initiative	23,9	16,3
Оставляет много времени для других занятий (отдыха, семьи) / Leaves plenty of time for other activities (vacation, family)	22,8	12,1
Полезная обществу / Useful to society	20,7	19,6
Престижная / Prestigious	19,2	19,5
Обеспечивает возможность сделать быструю карьеру / Opportunity to make a quick career	18,3	13,8
Неутомительная / Not tiring	13,7	5,8
Иметь пенсионные отчисления / Retirement income	–	0,1

Профессиональные установки молодежи формируются в процессе понимания и определения того, что они хотят делать, и изучения различных вариантов выбора [33]. Результаты данного исследования свидетельствуют, что оплата, интерес и условия труда являются лидирующими критериями оценки профессии для всех групп молодежи. Менее значимыми выступают престиж, утомительность работы и возможность иметь свободное время. В разрезе указанных категорий молодежи по критериям к желаемой профессии значимых различий не выявлено (табл. 10).

Полученные данные на основе сравнительного анализа позволяют выявить общие и национальные характеристики образовательных и профессиональных установок молодежи России и Казахстана по различным аспектам.

1. При ранжировании профессий по престижности молодежь обеих стран к наиболее престижным относят юриспруденцию, экономику и медицину в разной степени. В частности, для российской молодежи актуальность медицинских специальностей в два раза выше, по сравнению с казахстанской молодежью. Также по оценкам российской молодежи наиболее востребованными являются IT-профессии, значимость которых для казахстанской молодежи в пять раз ниже.

2. Важными факторами при выборе профессии для молодежи обеих стран являются возможность хорошего дохода и заработка, востребованность профессии на рынке труда. Однако для молодежи Казахстана, в отличие от российской, более значимой является профессия, которая пользуется большим признанием и уважением в обществе.

Таблица 10. Распределение ответов респондентов относительно критериев к желаемой работе в разрезе различных групп молодежи, % от числа ответивших

Table 10. Distribution of respondents' answers regarding criteria for the desired job in the context of various groups of young people, % of the number of respondents

Критерии к желаемой работе / Criteria for desired job	Работающая молодежь / Working youth		Студенты / Students		Учащаяся / High school students	
	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan	Российская Федерация / Russian Federation	Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan
Высокооплачиваемая / Highly paid	62,5	70,7	54,0	66,1	32,6	66,8
Интересная для меня / Interesting for me	50,7	67,0	42,8	66,5	30,7	67,9
С хорошими условиями труда / With good working conditions	50,4	35,7	45,6	29,8	31,6	31,6
Возможность профессионального роста / Opportunities for professional growth	49,4	24,2	44,5	24,4	31,5	18,9
Разнообразная, творческая, предполагающая инициативу / Diverse, creative, suggesting initiative	45,1	14,3	36,7	18,2	30,8	20,9
Полезная обществу / Socially significant	42,5	19,5	36,3	20,7	30,7	18,9
Престижная / Prestigious	38,9	16,4	38,4	22,3	30,8	24,5
Неутомительная / Not tedious	36,7	7,4	33,2	3,7	30,5	4,1
Иметь достаточное свободное время / Have enough free time	31,0	11,7	31,2	13,6	30,0	10,2

3. При выборе учебного заведения молодежь обеих стран в тройку важных факторов включает интерес к специальности, возможность получения качественного знания, авторитет и рейтинг вуза. В то же время можно выделить национальные различия: казахстанская молодежь в большей степени склоняется к возможности бесплатного обучения.

4. Удовлетворенность профессиональной деятельностью рассматриваемых групп определяется интересом к профессии, высоким уровнем дохода, возможностью профессионального роста.

Результаты исследования подтверждают гипотезу относительно того, что установки молодежи двух стран могут иметь как национальные, так и общие характеристики, формируемые в контексте государственных и глобальных процессов. Несмотря на то, что были выявлены некоторые различия в профессионально-ценностных установках молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве, прослеживается общая тенденция, характерная для молодежи обеих стран.

Обсуждение и заключение

Современная молодежь характеризуется всеобщим стремлением к получению высшего образования. Несмотря на такую тенденцию при опросе было выявлено, что каждый пятый молодой казахстанец и каждый третий молодой россиянин при возможности изменили бы свой первоначальный выбор профессии. Такие установки в дальнейшем проецируются на рынки труда и молодежь с высшим образованием не работает по специальности. Данные ранее проведенных исследований показывают, что российская молодежь в среднем больше двух раз меняет свое место работы и 40,3 % экономически активного населения страны работали или в настоящее время работают в неформальном рынке труда¹⁴. По данным официальной статистики Казахстана, 30 % молодежи не работают по специальности¹⁵.

В ходе сравнительного исследования были изучены ценностные траектории и установки современной российской и казахстанской молодежи в образовательном пространстве. В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, стоит отметить высокий уровень социально-культурного, ценностного, образовательного потенциала молодых людей России и Казахстана в образовательном пространстве. Полученные результаты анкетного опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне карьерных и образовательных притязаний, высоком уровне мотивации к учебе и труду. Большинство респондентов признают ценность и значимость высшего образования в контексте личностного и профессионально-карьерного роста и самореализации.

Во-вторых, в структуре профессиональных предпочтений молодых людей наиболее престижными профессиональными сферами, по мнению обеих групп респондентов, являются юриспруденция, медицина, экономика; наименее престижными – журналистика, лингвистика, металлургия, рабочие специальности. В то же время можно выделить национальные особенности при ответе на данный вопрос. По мнению российской молодежи, наиболее востребованы медицинские специалисты, в частности хирурги и стоматологии, а также IT-специалисты, блогеры. Молодежь Казахстана наиболее престижными и прибыльными считает юриспруденцию, предпринимательство и экономику. Данные результаты только частично подтверждают гипотезу относительно смещения профессионально-ценностных установок российской и казахстанской молодежи в сторону технических, творческих (в том числе блогерство) специальностей. Несмотря на повышение престижа IT-профессий и блогерства среди российской молодежи, казахстанская молодежь все еще отдает предпочтение обучению по экономическим, юридическим направлениям. В целях

¹⁴ Krupets Y., Sablina A., Vyhovska H. Russian Youth in the Labour Market: Work Attitudes, Career Paths and Regional Disparities // Youth in Putin's Russia ; E. Omelchenko (eds). Palgrave Macmillan, Cham, 2021. p. 301–338. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_9

¹⁵ Youth of Kazakhstan. Statistical collection. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National Statistics. Nur-Sultan, 2020. 127 p.

повышения престижа инженерно-технических специальностей и подготовки высококвалифицированных специалистов в данной отрасли в соответствии с поручением Президента Республики Казахстан по переориентированию программы «Болашак» (национальная программа, позволяющая казахстанской молодежи обучаться за рубежом) изменено соотношение в сторону инженерно-технических специальностей. Если в 2021 г. на инженерно-технические специальности было выделено 36 % стипендий, то в этом году – 60 %.

В-третьих, определены позитивные факторы и факторы риска, способствующие и препятствующие формированию системы ценностных траекторий и установок молодежи в образовательно-профессиональной среде. К позитивным факторам стоит отнести интерес к получаемой профессии, ее высокооплачиваемость, рейтинг учебного заведения; к факторам риска – низкую востребованность получаемой профессии на рынке труда, отсутствие личного интереса и заинтересованности к получаемой профессии, низкий уровень дохода. Полученные результаты исследования подтверждают гипотезу о сохранении ценности образования среди молодежи только частично. Несмотря на то, что образование в определенной мере выступает ценностью для молодежи обеих стран, наблюдается доминирование рациональных мотивов в процессе выбора высшего образования. Получение высшего образования для рассматриваемой группы не является самоцелью, а выступает как способ достижения материальных и социальных благ в перспективе.

Результаты ранних исследований мотивов российской молодежи при выборе профессии показывают высокую значимость интереса к профессии, далее следует оплата труда и социальная значимость профессии [34]. Результаты ранних казахстанских исследований свидетельствуют, что молодежь рассматривает цель университета с точки зрения его экономической ценности, т. е. в качестве ресурса, позволяющего расширить возможность трудоустройства и улучшить финансовое благополучие. Несмотря на то, что будущие

карьерные перспективы выступают ключевыми мотивами к получению высшего образования, роль университетских дипломов в трудоустройстве снижается. Отношение к профессии у выпускников и молодых специалистов формируется под влиянием рыночных отношений и имеет рациональное содержание [35]. В целом иерархическая структура мотивов выбора высшего образования молодежью обеих стран сохраняется с доминированием рациональных мотивов в выборе специальности.

Говоря о дальнейших возможных сценариях профессионального поведения молодежи России и Казахстана в ближайшем будущем, хотелось бы отметить стремительный рост и востребованность IT-компетенций на российских и казахстанских рынках труда, трансформации ценностно-профессиональных установок в сторону большей свободы и творчества, социально-профессиональной мобильности и гибкости работающей молодежи. Данные изменения не должны остаться вне поля зрения деятельности институтов власти, образования и воспитания, направленных на вовлечение российской и казахстанской молодежи в конструктивные формы профессионально-образовательной активности.

Проведенное количественное исследование позволило оценить распространенность и величину изучаемых параметров в сравнительной перспективе на основе изучения молодежной когорты двух постсоветских стран, но для выявления причинно-следственных связей между профессионально-образовательными намерениями российской и казахстанской молодежи и практиками их реализации необходимо проведение дополнительного исследования, основанного на качественном методе сбора эмпирических данных.

Данное исследование вносит вклад в развитие новых перспектив в понимании процесса выбора высшего образования молодежью в контексте их ценностно-профессиональных установок, формируемых на основе индивидуальных характеристик и влияния окружающей среды на макро- и микроуровнях. Понимание ценностно-профессиональных установок молодежи позволит улучшить работу

заинтересованных ведомств и организаций в сфере образования в целях регулирования и соответствия установок молодежи запросам рынка труда. Это поможет высшим учебным заведениям более эффективно реализовывать основную миссию образования в подготовке высокоэффективных сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3 (7). С. 140–150. EDN: LDKTCN
2. Isopahkala-Bouret U. University Non-Admittance and Anomie: Reconsidering the Promise of an Egalitarian Society // *British Journal of Sociology of Education*. 2020. Vol. 41, issue 3. P. 361–376. <https://doi.org/10.1080/01425692.2020.1726172>
3. Liu Y. Choices, Risks and Rational Conformity: Extending Boudon's Positional Theory to Understand Higher Education Choices in Contemporary China // *High Education*. 2019. Vol. 77. P. 525–540. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0285-7>
4. Labrosse J., Gaudreault M., Picard F. School Choice Options Limit Access to Higher Education for Various Groups of Students in Quebec // *European Journal of Higher Education*. 2017. Vol. 7, issue 1. P. 56–77. <https://doi.org/10.1080/21568235.2017.1265788>
5. Меренков А. В., Сандлер Д. Г., Шаврин В. С. Особенности изменений ориентаций выпускников бакалавриата на трудоустройство // *Образование и наука*. 2019. Т. 21, № 10. С. 116–142. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-116-142>
6. Wambu G., Hutchison B., Pietrantonio Z. Career Decision-Making and College and Career Access among Recent African Immigrant Students // *Journal of College Access*. 2017. Vol. 3, issue 2. Available at: <http://scholarworks.wmich.edu/jca/vol3/iss2/6> (дата обращения: 22.12.2022).
7. Hui K., Lent R. W. The Roles of Family, Culture, and Social Cognitive Variables in the Career Interests and Goals of Asian American College Students // *Journal of Counseling Psychology*. 2018. Vol. 65, issue 1. P. 98–109. <https://doi.org/10.1037/cou0000235>
8. The Cultural Shaping of Career Aspirations: Acculturation and Chinese Biculturals' Career Identity Styles / D. Tao [et al.] // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2018. Vol. 50, issue 1. P. 29–41. <http://dx.doi.org/10.1037/cbs0000091>
9. Быков А. В., Настина Е. А. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи) // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 67–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250009288-9>
10. Камбарова К. У. Образование как ценность и ценности в образовании // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2019. № 1. С. 112–115. URL: <http://www.science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2019/1/112-115.pdf> (дата обращения: 22.12.2022).
11. Коростелева А. А. Духовно-нравственное образование в контексте интеграционного образовательного процесса: перспективы развития // *Проблемы современного образования*. 2013. № 3. С. 48–58. URL: http://pmedu.ru/res/2013_3_3.pdf (дата обращения: 22.12.2022).
12. Маслова Е. В. Динамика нравственных установок студенческой молодежи // *Международный научный вестник (Вестник Объединения православных ученых)*. 2021. № 1 (29). С. 13–16. EDN: PXTXXR
13. Шафранов-Куцев Г. Ф., Яркова Е. Н. О национальных ценностях отечественного образования в условиях международной интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология*. 2018. Т. 18, № 3. С. 532–541. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-532-541>
14. Шнарбекова М. К. Эффекты семейного капитала в стратегии выбора высшего образования казахстанской молодежью // *Интеграция образования*. 2018. Т. 22, № 4. С. 712–727. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727>
15. Ткачева Н. А., Баймухаметова Р. С. Ценностные ориентации казахстанской молодежи // *Социологические и гуманитарные науки*. 2016. Т. 8, № 6/2. С. 134–139. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139>
16. Калиева С. А., Альжанова Ф. Г. Молодежь на рынке труда в условиях формирования наукоемкой экономики Казахстана // *Европейский журнал экономических наук и управления*. 2019. № 4. С. 56–60. <https://doi.org/10.29013/EJEMS-19-4-56-60>

17. Mitić S., Mojić D. Student Choice of Higher Education Institutions in a Post-Transitional Country: Evidence from Serbia // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020. Vol. 33, issue 1. P. 3509–3527. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1774794>
18. Vulperhorst J. P., van der Rijst R. M., Akkerman S. F. Dynamics in Higher Education Choice: Weighing One's Multiple Interests in Light of Available Programmes // *Higher Education*. 2020. Vol. 79. P. 1001–1021. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00452-x>
19. Шнарбекова М. К. Роль высшего образования в воспроизводстве социального неравенства на рынке труда Казахстана // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 3. С. 114–127. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127>
20. Пинчук А. Н., Каропова С. Г., Тихомиров Д. А. Транспрофессиональное образование в студенческом дискурсе: востребованность, ожидания, риски // *Образование и наука*. 2022. Т. 24, № 3. С. 184–220. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-3-184-220>
21. Bergerson A. A. College Choice and Access to College: Moving Policy, Research, and Practice to the 21st Century // *ASHE Higher Education Report*. 2009. Vol. 35, issue 4. P. 1–141. <https://doi.org/10.1002/aehe.3504>
22. Unravelling Why Students Do or Do Not Stay Committed to a Programme when Making a Higher Education Choice / J. P. Vulperhorst [et al.] // *Journal of Further and Higher Education*. 2022. Vol. 46, issue 5. P. 651–666. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2021.1986686>
23. Akkerman S. F., Bakker A. Persons Pursuing Multiple Objects of Interest in Multiple Contexts // *European Journal of Psychology of Education*. 2019. Vol. 34. P. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0400-2>
24. Kogler R., Vogl S., Astleithner F. Transitions, Choices and Patterns in Time: Young People's Educational and Occupational Orientation // *Journal of Education and Work*. 2023. Vol. 36, issue 2. P. 94–108. <https://doi.org/10.1080/13639080.2023.2167954>
25. Hossler D., Gallagher K. Studying Student College Choice: A Three-Phase Model and the Implications for Policymakers // *College and University*. 1987. Vol. 62, issue 3. P. 207–221.
26. Haywood H., Scullion R. It's Quite Difficult Letting Them Go, Isn't It? Uk Parents' Experiences of Their Child's Higher Education Choice Process // *Studies in Higher Education*. 2018. Vol. 43, issue 12. P. 2161–2175. <https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1315084>
27. College Integration and Social Class / M. J. Álvarez Rivadulla [et al.] // *Higher Education*. 2022. Vol. 84. P. 647–669. <https://doi.org/10.1007/s10734-021-00793-6>
28. The Impact of Family Socio-Economic Status on Access to Higher Education in Vietnam / Hoang-Van Ha [et al.] // *International Journal of Educational Sciences (IJES)*. 2020. Vol. 28, issue 1–3. P. 80–85. <https://doi.org/10.31901/24566322.2020/28.1-3.1124>
29. Woodward P. Location and Locational Capital: An Examination of Factors Influencing Choice of Higher Education Applications by Working-Class Students in a Sixth-Form College // *Educational Review*. 2022. Vol. 74, issue 6. P. 1119–1136. <https://doi.org/10.1080/00131911.2021.1874306>
30. Zewude B., Habtegiorgis T. Higher Education and Career Aspirations Among Secondary School Students in Southern Ethiopia // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2022. Vol. 27, issue 1. P. 235–248. <https://doi.org/10.1080/02673843.2022.2076604>
31. Callender C., Melis G. The Privilege of Choice: How Prospective College Students' Financial Concerns Influence Their Choice of Higher Education Institution and Subject of Study in England // *The Journal of Higher Education*. 2022. Vol. 93, issue 3. P. 477–501. <https://doi.org/10.1080/00221546.2021.1996169>
32. Fragmented Career Orientation: The Formation of Career Importance, Decidedness and Aspirations among Students / N. Khattab [et al.] // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2022. Vol. 27, issue 1. P. 45–59. <https://doi.org/10.1080/02673843.2021.2025114>
33. Porfeli E. J., Lee B. Career Development During Childhood and Adolescence // *New Directions for Youth Development*. 2012. Vol. 2012, issue 134. P. 11–22. <https://doi.org/10.1002/ym.20011>
34. Константиновский Д. Л. Формирование ориентаций молодежи в сфере образования // *Вестник Института социологии*. 2016. № 19. С. 13–27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>
35. Jonbekova D. The Diploma Disease in Central Asia: Students' Views about Purpose of University Education in Kazakhstan and Tajikistan // *Studies in Higher Education*. 2020. Vol. 45, issue 6. P. 1183–1196. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1628199>

Поступила 23.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 03.04.2023.

Об авторах:

Шнарбекова Меруерт Какпанбаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета имени аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71), приглашенный ученый Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1350-2806>, **Scopus ID:** 57200079996, **Researcher ID:** O-1500-2014, shnarbekova.meruert@gmail.com

Васильева Елена Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3475-5412>, vasileva-ei@ranepa.ru

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1582-1982>, zerchaninova-te@ranepa.ru

Никитина Алена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3804-4952>, nikitina-as@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

М. К. Шнарбекова – разработка концепции исследования; обзор зарубежных исследований по теме исследования; анализ теоретического материала; работа над библиографией; осуществление критического анализа; подготовка инструментария опроса; сбор информации; доработка текста.

Е. И. Васильева – анализ теоретического материала; сбор информации; анализ эмпирических материалов; подготовка аналитических и графических материалов по результатам анкетирования; формулировка выводов.

Т. Е. Зерчанинова – анализ теоретического материала; сбор информации; анализ эмпирических материалов; работа над библиографией; доработка текста; оформление текста.

А. С. Никитина – подготовка первоначального варианта текста; обзор литературы по теме исследования; сбор информации; анализ эмпирических материалов; подготовка аналитических и графических материалов по результатам анкетирования; реферативный перевод статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gayfullin A.Yu. Professional Guidelines and Career Attitudes of Modern Youth: Sociological Analysis. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2021;(3):140–150. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: LDKTCN
2. Isopahkala-Bouret U. University Non-Admittance and Anomie: Reconsidering the Promise of an Egalitarian Society. *British Journal of Sociology of Education*. 2020;41(3):361–376. <https://doi.org/10.1080/01425692.2020.1726172>
3. Liu Y. Choices, Risks and Rational Conformity: Extending Boudon's Positional Theory to Understand Higher Education Choices in Contemporary China. *High Education*. 2019;77:525–540. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0285-7>
4. Labrosse J., Gaudreault M., Picard F. School Choice Options Limit Access to Higher Education for Various Groups of Students in Quebec. *European Journal of Higher Education*. 2017;7(1):56–77. <https://doi.org/10.1080/21568235.2017.1265788>
5. Merenkov A.V., Sandler D.G., Shavrin V.S. The Features of Changes in Orientations to Employment among Bachelor's Graduates. *The Education and Science Journal*. 2019;21(10):116–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-116-142>
6. Wambu G., Hutchison B., Pietrantoni Z. Career Decision-Making and College and Career Access among Recent African Immigrant Students. *Journal of College Access*. 2017;3(2). Available at: <http://scholarworks.wmich.edu/jca/vol3/iss2/6> (accessed 22.12.2022).
7. Hui K., Lent R.W. The Roles of Family, Culture, and Social Cognitive Variables in the Career Interests and Goals of Asian American College Students. *Journal of Counseling Psychology*. 2018;65(1):98–109. <https://doi.org/10.1037/cou0000235>

8. Tao D., Zhang R., Lou E., Lalonde R.N. The Cultural Shaping of Career Aspirations: Acculturation and Chinese Biculturals' Career Identity Styles. *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2018;50(1):29–41. <http://dx.doi.org/10.1037/cbs0000091>
9. Bykov A., Nastina E. Links of the Value Attitudes with Career Achievements (Based on a Survey of Youth). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(8):67–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250009288-9>
10. Kambarova K.U. Education as a Value and Values in Education. *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*. 2019;(1):112–115. Available at: <http://www.science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2019/1/112-115.pdf> (accessed 22.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Korosteleva A.A. Moral and Spiritual Education in the Context of an Integrative Educational Process: Perspectives of Development. *Problems of Modern Education*. 2013;(3):48–58. Available at: http://pmedu.ru/res/2013_3_3.pdf (accessed 22.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Maslova E.V. Dynamics of Moral Attitudes of Student Youth. *International Scientific Bulletin (Bulletin of the Association of Orthodox Scientists)*. 2021;(1):13–16. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PXTXXR
13. Shafranov-Kutsev G.F., Yarkova E.N. National Values of the Russian Education under the International Integration. *RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(3):532–541. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-532-541>
14. Shnarbekova M.K. The Effects of Family Capital on Kazakh Youth Strategies in the Choice of Higher Education. *Integration of Education*. 2018;22(4):712–727. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727>
15. Tkacheva N.A., Baimukhametova R.S. Value Orientations of Kazakhstan Youth. *Historical and Socio-Educational Thought*. 2016;8(6-2):134–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139>
16. Kaliyeva S.A., Alzhanova F.G. The Youth on the Labor Market in the Formation of Knowledge-Based Economy of Kazakhstan. *European Journal of Economic Sciences and Management*. 2019;(4):56–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29013/EJEMS-19-4-56-60>
17. Mitić S., Mojić D. Student Choice of Higher Education Institutions in a Post-Transitional Country: Evidence from Serbia. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020;33(1):3509–3527. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1774794>
18. Vulperhorst J.P., van der Rijst R.M., Akkerman S.F. Dynamics in Higher Education Choice: Weighing One's Multiple Interests in Light of Available Programmes. *Higher Education*. 2020;79:1001–1021. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00452-x>
19. Shnarbekova M.K. The Role of Higher Education in Reproduction of Social Inequality in the Labor Market of Kazakhstan. *Higher Education in Russia*. 2021;30(3):114–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127>
20. Pinchuk A.N., Karepova S.G., Tikhomirov D.A. Transprofessional Education in the Student Discourse: Demand, Expectations, Risks. *The Education and Science Journal*. 2022;24(3):184–220. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-3-184-220>
21. Bergerson A.A. College Choice and Access to College: Moving Policy, Research, and Practice to the 21st Century. *ASHE Higher Education Report*. 2009;35(4):1–141. <https://doi.org/10.1002/aehe.3504>
22. Vulperhorst J.P., van der Rijst R.M., Holmegaard H.T., Akkerman S.F. Unravelling Why Students Do or Do Not Stay Committed to a Programme When Making a Higher Education Choice. *Journal of Further and Higher Education*. 2022;46(5):651–656. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2021.1986686>
23. Akkerman S.F., Bakker A. Persons Pursuing Multiple Objects of Interest in Multiple Contexts. *European Journal of Psychology of Education*. 2019;34:1–24. <https://doi.org/10.1007/s10212-018-0400-2>
24. Kogler R., Vogl S., Astleithner F. Transitions, Choices and Patterns in Time: Young People's Educational and Occupational Orientation. *Journal of Education and Work*. 2023;36(2):94–108. <https://doi.org/10.1080/13639080.2023.2167954>
25. Hossler D., Gallagher K.S. Studying Student College Choice: A Three-Phase Model and the Implications for Policymakers. *College and University*. 1987;62(3):207–221.
26. Haywood H., Scullion R. It's Quite Difficult Letting Them Go, Isn't It? Uk Parents' Experiences of Their Child's Higher Education Choice Process. *Studies in Higher Education*. 2018;43(12):2161–2175. <https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1315084>
27. Álvarez-Rivadulla M.J., Jaramillo A.M., Fajardo F., et al. College Integration and Social Class. *Higher Education*. 2022;84:647–669. <https://doi.org/10.1007/s10734-021-00793-6>
28. Ha Hoang-Van, Thi Tram Anh-Nguyen, Fursova V.V., Shakirova A.Yu. The Impact of Family Socio-Economic Status on Access to Higher Education in Vietnam. *International Journal of Educational Sciences*. 2020;28(1–3):80–85. <https://doi.org/10.31901/24566322.2020/28.1-3.1124>

29. Woodward P. Location and Locational Capital: An Examination of Factors Influencing Choice of Higher Education Applications by Working-Class Students in a Sixth-Form College. *Educational Review*. 2022;74(6):1119–1136. <https://doi.org/10.1080/00131911.2021.1874306>

30. Zewude B., Habtegiorgis T. Higher Education and Career Aspirations Among Secondary School Students in Southern Ethiopia. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2022;27(1):235–248. <https://doi.org/10.1080/02673843.2022.2076604>

31. Callender C., Melis G. The Privilege of Choice: How Prospective College Students' Financial Concerns Influence Their Choice of Higher Education Institution and Subject of Study in England. *The Journal of Higher Education*. 2022;93(3):477–501. <https://doi.org/10.1080/00221546.2021.1996169>

32. Khattab N., Madeeha M., Modood T., Samara M., Barham A. Fragmented Career Orientation: The Formation of Career Importance, Decidedness and Aspirations among Students. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2022;27(1):45–59. <https://doi.org/10.1080/02673843.2021.2025114>

33. Porfeli E.J., Lee B. Career Development During Childhood and Adolescence. *New Directions for Youth Development*. 2012;2012(134):11–22. <https://doi.org/10.1002/yd.20011>

34. Konstantinovskiy D.L. The Formation of Young People's Orientations in The Sphere of Education. *Vestnik instituta sotsiologii*. 2016;(19):13–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>

35. Jonbekova D. The Diploma Disease in Central Asia: Students' Views about Purpose of University Education in Kazakhstan and Tajikistan. *Studies in Higher Education*. 2020;45(6):1183–1196. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1628199>

Submitted 23.01.2023; revised 27.03.2023; accepted 03.04.2023.

About the authors:

Meruert K. Shnarbekova, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work, al-Farabi Kazakh National University (71 al-Farabi Avenue, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan), Visiting Scholar at University of California Los Angeles, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1350-2806>, **Scopus ID:** 57200079996, **Researcher ID:** O-1500-2014, shnarbekova.meruert@gmail.com

Elena I. Vasileva, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Regional and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskiy Avenue, Moscow 119571, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3475-5412>, vasileva-ei@ranepa.ru

Tatiana E. Zerchaninova, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Regional and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskiy Avenue, Moscow 119571, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1582-1982>, zerchaninova-te@ranepa.ru

Alena S. Nikitina, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Chair of Human Resources, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskiy Avenue, Moscow 119571, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3804-4952>, nikitina-as@ranepa.ru

Author contribution:

M. K. Shnarbekova – development of the research concept; review of foreign research on the research topic; analysis of theoretical material; implementation of critical analysis; work on bibliography; preparation of survey tools; collection of information; revision of the text.

E. I. Vasileva – analysis of theoretical material; collection of information; analysis of empirical materials; preparation of analytical and graphic materials based on the results of the survey; formulation of conclusions.

T. E. Zerchaninova – analysis of theoretical material; collection of information; analysis of empirical materials; work on bibliography; revision of the text; text design.

A. S. Nikitina – preparation of the initial version of the text; review of the literature on the research topic; collection of information; analysis of empirical materials; preparation of analytical and graphic materials based on the results of the questionnaire; abstract translation of the article.

All authors have read and approved the final manuscript.